

Симона Вилар входит в число лучших современных авторов. Пишет в жанре славянского фэнтези, исторического и приключенческого романов. Ее произведения популярны не только в Украине, но и за границей. Ежегодно они попадают в «Золотую пятерку Клуба». Писательница возглавила ТОП-10 самых успешных авторов Украины.

Древняя Русь, IX век. Уверенно и жестоко правят варяжские князья Аскольд и Дир, но близится эпоха новых правителей. И вот уже сеет смуту среди племен на Днепре загадочный Торир, тайно засланный в стольный град по велению новгородского князя Олега, прозванного Вещим. Помощники Торира — волхвы Перуна — порочат славные имена местных властителей, восхваляя мудрость и величество князей новгородских. Суровый Торир не остановится ни перед чем, дабы выполнить волю Олега и посадить на киевский престол нового владыку. Неожиданно на пути варяга становится прекрасная и гордая славянка Карина, которую он по иронии судьбы спас от смерти... Козни врагов и предательство друзей, опасности и сражения, борьба за власть, лед и пламя — храбрая славянская дева и холодный скандинавский муж сойдутся в противостоянии и падут, сраженные любовью...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4336-1

9 786171 124336 1

СИМОНА
ВИЛАР

ЧУЖАК

СИМОНА
ВИЛАР

ЧУЖАК

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

СИМОНА
ВИЛАР

СИМОНА
ВИЛАР

ЧУЖАК

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.2
В44

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Иллюстрация на обложке *Романа Ногина*
Шрифтовое оформление *Сергея Ткачева*

ISBN 978-617-12-4336-1

© Гавриленко Н. Г., 2017
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Предисловие

Действие романа Симоны Вилар «Чужак» происходит в конце IX века — это время, когда зарождалась наша государственность, время, о котором в летописи сказано «откуда есть пошла Русская земля». И хотя эта эпоха чрезвычайно важна для становления всех трех восточнославянских народов, известно о ней до обидного мало. Да и то, что известно, относится скорее к области легенд, нежели к подлинной исторической действительности. Однако талант писателя в том и заключается, чтобы сделать живым даже тот неимоверно далекий от нас мир. И книга вводит читателя в атмосферу ожившего прошлого — оно насыщено звуками, запахами, красками и людскими переживаниями.

Симона Вилар рисует Древнюю Русь такой, какой ее рождает воображение. Этот мир прекрасен, но жесток — человеческие желания, сама жизнь в нем стоят недорого. Огромная Русь только зарождается, ее племена раздроблены и живут каждое своим миром, по своей правде. Что их объединяет? В основном вера в общих богов. Но если в глуши, где еще сильны родовые пережитки, больше чтут прародителя Рода, то там, где князья опираются на силу дружин, уже возвысился покровитель воинов и князей Перун, а где идут торги и копится богатство, более почитаемым становится торговый бог Велес.

Приключенческий роман требует интриги и динамики сюжета, непростой любви и ярких характеров. При этом герои прошлого живут в совсем иной ментальности, чем привычная нам. Мы уже давно приняли и сжились с христианской моралью, которая отнюдь не была присуща нашим языческим пращурам. Отсюда иные взгляды героев романа на мир, иное понимание ими верности и любви, родства и чести. И все же они во многом понятны нам, ибо всегда «добро остается добром — в прошлом, будущем и настоящем».

Какими были древние русские князья? Горели ли они патриотизмом или, как и политики наших дней, прежде всего блюли свою выгоду? Какими были служители старых богов — фанатиками, интриганами или свято верующими в то, что несут их волю? Какой была

любовь в те суровые времена, получившие в науке определение «военная демократия»? Играли ли чувства людей решающую роль или во главу угла ставились дела общины? Но автор обратилась к времени, когда родовые отношения уже уходили в прошлое, когда тон в обществе все больше задавала личность, когда люди стремились выделиться, возвыситься, стать богаче, значимее.

Герои романа «Чужак» все разные и самобытные. Исторический князь Дир прежде всего воин, варяг, еще не изживший на славянской земле ту ярость в своей скандинавской крови, которая порой превращает его в берсерка; Аскольд — старше, мудрее, терпимее; Олег — воин-волхв, стремящийся к власти.

Непроста судьба главной героини романа — славянской девушки Карины. Рожденная в небольшом племени, достойная княжеского терема красотой и гордым нравом, она познала богатство и бедность, почет и унижение, блаженство любви и горечь одиночества. Но решительный характер заставляет ее искать лучшей доли, она отправляется в Киев, надеясь найти там своего отца, знаменитого певца Баяна. Обладая умом, сильной волей и самолюбием, она избирает Киев как единственное место, где человек может достичь достойного положения благодаря своим собственным заслугам, вопреки незнатному происхождению.

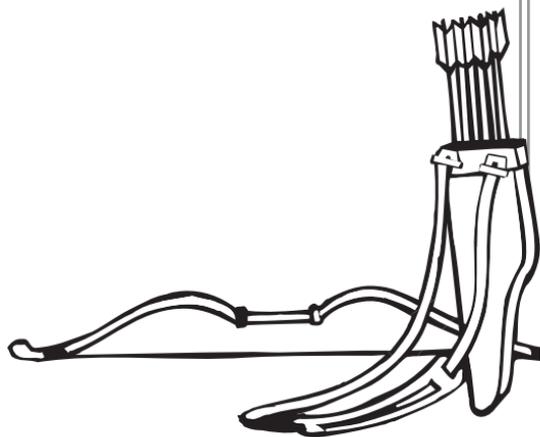
Еще один герой романа — варяг Торир — волк-одиночка, таинственный мститель и посланец Олега Вещего. Ему поручено втереться в доверие к киевским князьям, разорвать их договоры с союзниками и сделать все, чтобы облегчить задачу Олегу добиться власти на Днепре. Ради этого он готов пожертвовать и безопасностью, и честью, и даже жизнью той, которая его любит.

Есть в романе и иные герои: певец-сказитель Баян, волхв Волдуд, бесшабашный воин-шутник Кудряш, ранимый и нежный как девушка боярский сынок Любомир, киевская певунья Белёна. Все они органично вписываются в красочный и самобытный мир Руси, в его сложную ментальность и суровую действительность.

Роман «Чужак» — это книга о времени и о людях. Она увлекательна и познавательна одновременно, ведь судьбы человеческие вершатся в ней на фоне реалий такого далекого прошлого.

ΠΡΟΔΟΓ

сноок первым почувствовал — что-то случилось.

Еще минуту назад он с княжичами яростно рубил деревянным оружием крапиву у частокола, но вдруг замер, застыл, словно к чему-то прислушиваясь.

Вскоре и наставник Бьоргульф почуял неладное, сердито цыкнул на расшумевшихся детей. В самом деле что-то происходило: засуетились стражи на заборолах¹ деревянной крепости, заметались воины-руосы, донеслись резкие возгласы. И тут же хрипло загудел рог — тревога!

На верхней галерее терема, где с куклой сидела маленькая Мила, появилась встревоженная княгиня.

— Что сие, Бьоргульф?

Но старый воин уже спешил на стену. На ходу крикнул через плечо:

— Уводи детей, госпожа! Да поскорее!

С каких это пор он осмеливался приказывать супруге Хорива Киевского?

Однако гордая княгиня не возмутилась. Подхватив на руки Милу, стала скликать сыновей. Позвала и Ясноока — но куда там! Пусть княжичи прячутся за женскими подо-

¹ Заборолы — защищенная галерея на крепостной стене.

лами, а он, Ясноок, сын викинга! Его место на забороллах крепости — там, где надлежит быть воинам. Не оборачиваясь на окрик княгини, размахивая деревянной секирой, мальчишка помчался за Бьоргульфом.

Звуки рога по-прежнему тревожно прорезали тишину жаркого полудня. Отовсюду спешили воины-руосы, на ходу застегивая шлемы, подвязывали наручи, половчее перехватывая оружие. Ясноока грубо толкали. Кто-то сказал, чтобы убирался прочь, укрылся за запорами. Но мальчишка, цепляясь за поручни сходней и протискиваясь между мужчинами, все же вскарабкался на площадку смотровой башни над воротами.

Однако его заметили и тут.

— Уведите прочь Эгильсона! Чего щенок вертится под ногами?

Но Ясноок будто клещами впился в перила площадки.

— Мама... Там мама!

Он уже видел ее: без шлема, с развевающимися по ветру светлыми волосами. Конь ее неся вскачь, с разбега влетел в воду — туда, где был брод через реку Стугну, на подступах к крепости Витхольм.

Столпившиеся наверху воины закричали, ободряя всадницу. Ясное дело — отважная жена предводителя Эгиля не станет без причины устраивать столь бешеную скачку. Вместе с несколькими воинами она уходила от врага, и хотя преследователей еще не было видно, но со стороны бора за Стугной уже долетал гомон и слышался глухой гул копыт приближающейся погони.

Что бы это могло быть? Кто дерзнул напасть на воинов, служащих киевскому князю Хориву?¹

Вспенивая воды Стугны, беглецы миновали брод и, нахлестывая коней, ринулись на поднимающуюся к Витхольму доро-

¹ Известны имена троих князей-основателей Киева — Кий, Щек, Хорив. Автор взяла на себя смелость сделать эти имена династическими в роду киевских князей. Так муж одной из героинь романа, князь Хорив, не является тем легендарным основателем, о котором говорит «Повесть временных лет», а просто представлен как один из его потомков.

гу. И тотчас на противоположном берегу показались преследователи. Все новые и новые верховые выныривали из зарослей. Впереди, яростно вопя, скакал воин в шлеме с позолоченными рогами, и в Витхольме его тотчас узнали.

— Оскальд! Дождался своего часа в Киеве, Рюрикю пес...

— А вон и киевляне с ним. Боярин Гурьян со своими людьми... И Вавила с дружиной. Да провалятся эти предатели в ледящую Хель!..¹

— Что ж, похоже, нас ждет славная распря стали!² — почти весело проговорил кто-то. — Покажем же этим киевлянам, что не зря мы ели хлеб Хорива Киевского!

Ясноок не слушал. Его грызла тревога. Где же отец — сильный и бесстрашный ярл³ Эгиль? Как он допустил, чтобы эти люди напали на маму?

Однако сколько мальчик ни вглядывался в тех, кто приближался к крепости, отца не заметил.

Погоня не отставала, хотя беглецы уже прогрохотали галопом по первому из мостков через рвы, окружавшие Витхольм. Один из спутников жены ярла, выпрыгнув на ходу из седла, перерубил веревки, и мосток взмыл вверх, мигом превратившись в заслон. Конь не замедлил бега и помчался за остальными, и спешившемуся воину ничего не оставалось, кроме как кинуться к остаткам срубленных на подступах к крепости сосен — так он мог хотя бы добраться до ближайших зарослей, укрыться в лесу. Однако пущенная кем-то из преследователей стрела настигла его — и воин рухнул, покотившись по склону в одну из ям-ловушек.

Витхольм — бревенчатая цитадель северных наемников князя Хорива — стоял на холме и был неплохо укреплен. На крутых склонах и подступах к стенам располагалось немало потайных ям-ловушек с заостренными кольями на дне, чтобы

¹ Хель — у скандинавов потусторонний мир, ледяной, темный ад. Это же имя носила и хозяйка преисподней.

² Распря стали — битва. Такие поэтические иносказания, называемые кеннингами, часто употреблялись в речи скандинавов.

³ Ярл — скандинавский вельможа, по положению равный боярину у славянских племен.

конные не могли вплотную приблизиться к крепости. Три ряда рвов с мостками, которые в любой момент могли превратиться в заслоны, служили следующей линией укреплений. По пути беглецы успели перерубить веревки, удерживающие еще два мостка, — и всякий раз смельчакам приходилось платить жизнью за несколько выигранных мгновений.

Наконец и преследователи были вынуждены сдержать коней. Они еще находились вне досягаемости стрел, пущенных со стен крепости, но заслоны и ловушки уже начали делать свое дело. Едва последние трое беглецов оказались на подъемном мосту у крепостных ворот, воины на забороллах перевели дыхание. Заскрипели канаты, поднимая мост, стражи навалились на створки, закрыли, и огромные бревна-засовы легли в свои пазы.

Всадница едва не рухнула на руки бросившихся к ней руосов. На ее щеке кровоточила ссадина, светлые пряди упали на лицо, плащ был изорван, а на облежавшей торс кольчуге виднелись следы крови и конская пена.

— Скорее! — Она задыхалась. — Мы должны быть готовы! Оскальд не отступит. Киевские бояре посулили сделать его князем, и теперь мы ему как кость в горле. Старого Хорива Оскальд сам поднял на копье... А жрецы Велеса¹ восславили убийцу...

— А где наш ярл? Вальгерд, ради всех богов — скажи, что с Эгилем?

Лицо женщины исказила судорога. С трудом проглотив ком в горле, гордо вскинула голову.

— Мой муж умер как герой, оставшись до конца верным Хориву. И валькирия уже несет его через сверкающий Биврьост в чертоги Валгаллы!²

Не теряя времени, она принялась отдавать приказания. Велела развести жаркий огонь под котлами со смолой, отнести все ко-

¹ Велес — языческий бог древних славян, покровитель скотоводства, торговли и путешествий.

² Валькирии — небесные девы, посланницы богов, уносящие души воинов-героев; Биврьост — радужный мост в скандинавский рай — Валгаллу.

пья и дротики на стены, а тем временем готовить каты¹. Ей повиновались, ибо Вальгерд по прозвищу Легконогая была женой предводителя и вдобавок считалась славной воительницей. Ей ли не знать, что делать!

Среди всеобщей сумятицы перед Вальгерд возник Ясноок.

— Мама! Я буду с тобой, я должен сражаться!

И тут же повис на ней, дрожа всем телом и всхлипывая. Он уже понял, что отца нет в живых, но еще не мог в это поверить. Его охватили страх и горечь, он даже забыл, что девятилетнему викингу, к тому же сыну предводителя, не подобает держаться как несмышленому глупдырю².

Вальгерд откинула со лба сына прядь волос — такую же золотистую, как и у нее. Твердо взглянула в синие глаза, за которые киевляне прозвали сына княжьего наемника на свой лад — Яснооком. Но сейчас с губ женщины сорвалось его скандинавское имя — словно напоминание о том, какого он рода.

Мальчик выпрямился.

— Да, мама! — Он смотрел на нее, сдерживая слезы.

Вальгерд казалась величественной и спокойной.

— Ты не сможешь помочь мне здесь, сын. Но ты должен вернуться к княгине Тьорд и охранять ее и княжичей.

Ясноок догадался, что она хочет просто услатить его, и попытался возразить. Но Вальгерд не слушала. Воины отвлекали ее, задавали вопросы, ждали приказаний. Среди них мальчик заметил Бьоргульфа — и наставник мигом прочитал немую мольбу в глазах Ясноока.

— Тебе, Вальгерд, тоже следует пойти к госпоже, — произнес он, касаясь плеча воительницы. — Ты должна поведать Тьорд о последнем часе ее мужа, князя Хорива Киевского. Да и о себе самой не мешает позаботиться — перевязать рану и хоть немного перевести дух перед битвой.

Шум вокруг усилился настолько, что Ясноок уже плохо понимал происходящее. Вдруг словно кулак великана ударил

¹ Каты — тяжелые обрубки бревен, спускаемые на неприятеля со стен во время осады.

² Глупдырь — несмышленое дитя (*насмешл.*).

в стену — да так, что вздрогнула земля под ногами, а с навесов заборолов посыпался дерновой настил. Пыль, резкие выкрики, жирный дым над котлами со смолой... По сходням, совсем рядом, скатился пронзенный стрелой воин-варяг, забился, засучил ногами, хватая зубами сухую землю. В синем небе над головой чертили темные дуги зажигательные стрелы. Кто-то вопил, требуя воды, занявшийся пламенем сруб забрасывали землей.

Ясноок потянул мать за руку, и Вальгерд наконец-то сдвинулась с места. Вдвоем они миновали окаймленные земляными валами хозяйственные постройки, жилые срубы, прошли мимо длинной стены большого терема и начали спускаться в подпол. Здесь кучкой жались перепуганные чернавки княгини, дворовые карлики, старая мамка. Княгиня с детьми хоронились в глубине, за массивной дубовой дверью, и Вальгерд едва достучалась до нее.

Наконец княгиня открыла. Бледная, испуганная, бречащая подвесками дорогих украшений.

— Вальга, ты? — воскликнула она при виде воительницы. — О пресветлые боги!.. Что же нас ждет?

В кромешной тьме подпола, которую почти не разгонял свет лучины, подруги опустились на земляную скамью и заговорили вполголоса, склонившись друг к другу. Появление Вальгерд немного ободрило княгиню, и даже известие о смерти мужа она приняла без слез. Когда же узнала, что виной всему Оскальд, в ее голосе зазвучала ненависть:

— Проклятый варяг!.. Чужая я, что затевает он худое, не раз говорила князю... Нет, не послушал меня Хорив, только и речи было, что о святости гостеприимства. Да не те нынче времена, чтобы всякого волка привечать...

— Варягов и жрецы Велеса поддержали, — тихо проговорила Вальгерд.

— Ишь ты! Змею служат и сами стали ровно змеи, — вспыхнула княгиня.

Ясноок сел в противоположном углу, подле княжичей и Милы. Поначалу он прислушивался к словам женщин, но княжичи тербили, допытывались, что там, наверху. Старший, одно-

годок Ясноока, то и дело хватался за деревянный меч. Младший, по отцу названный Хоривом, наоборот — хлюпал носом, разводил сырость. Маленькая княжна Мила, вся в светлых кудряшках, с родинкой в уголке губ, поначалу улыбалась, радуясь приходу Ясноока, но, заметив у брата слезы, тоже захныкала. Ясноок усадил ее к себе на колени, стал утешать — и Мила угомонилась.

Когда княгиня туго стянула узел повязки на руке Вальгерд, воительница поднялась и перепоясала кольчугу.

— Неужто ты туда? — ахнула княгиня. — А мы-то как же?

— Не знаю, — вздохнула Вальгерд, не сводя взгляда с детей. Затем вынула из ножен кинжал и протянула княгине. — Ты жена князя, Тьорд. Сама знаешь, что должно делать, когда выхода не станет.

Княгиня беззвучно зарыдала, сжимая виски тяжелыми от перстней пальцами. Вальгерд больше не глядела на нее. Шагнув к сыну, взъерошила ему волосы. В багровом свете лучины мать показалась Яснооку дивно прекрасной, словно окруженной сиянием.

— Береги княжичей, сын. Пока я не приду за тобой.

Она ушла, и Ясноок подумал: увидит ли он мать снова? Как настоящий воин, он поставил свою деревянную секиру между колен, сложил на гладкой рукояти руки и застыл в ожидании. Секиру вырезал из ясеня его отец — Эгиль Вагабанд. Поначалу мальчик, как и велел обычай, дал своему оружию шведское имя — то, которым звали женщину-тролля, обитавшую, как сказывали, в лесах далеко на севере. Но отчего-то это звучное имя не пристало к секире, и вскоре Ясноок стал называть ее на местный лад — Лешачиха. У всякого викинга оружие должно иметь свое имя...

Время тянулось томительно. Лучина догорела, и уголек с шипением упал в лохань с водой. Княгиня зажгла новую, затем еще одну, и еще... Они отчаянно напрягали слух, ловя каждый звук. От темноты и страшного напряжения Ясноок не мог додумать до конца ни одной мысли. Княжичи и Мила уснули на сундуках с казнью, тесно прижавшись друг к дружке. На какой-то миг задремал и он, а очнувшись, увидел все то же: спящих

детей и княгиню Тьорд, мерившую шагами подземное убежище.

Что там на воле — день или уже месяц взошел на небо? Или все-таки над миром людей еще сияет солнышко — светлый Хорос, как зовут его славяне? В темноте все едино, лишь угольки шипением отмеряют время. Княгиня же никак не угомонится, снует из угла в угол, тербит украшения. Порой подходит к сундукам — в них привезли из Киева казну Хорива. Подняв тяжелую крышку, княгиня смотрит на золото, думает о чем-то своем.

Ясноок же успел припомнить почти всю свою короткую жизнь. Самые ранние, совсем смутные воспоминания о ладье, на которой он плыл куда-то вместе с родителями. Мимо тянулись берега, все время меняя очертания. Он лежал в меховом мешке рядом с матерью, и она что-то негромко напевала. Иногда появлялся отец, сажал его высоко на плечо. Порой они останавливались ненадолго, и войны с отцом уходили. Возвращались то веселые и шумливые, то удрученные, молчаливые. Тогда ладья быстро отчаливала, торопливо отдавал команды кормчий, задавая ритм гребцам, попарно налегавшим на длинные весла.

Наконец они прибыли в богатый град Киев и остались тут. Да нет, остался только Ясноок, а отец и мать снова уплыли надолго, и мальчик знал куда — в великий Миклегард¹, добывать славу и богатство вместе с другими руосами.

Руосами — или просто русами — их стали называть здесь, в Киеве. А прежде, как и всех, кто приходил с севера, кликали ворягами. Сами же они звали себя викингами.

Во время отсутствия родителей Ясноок жил в большом тереме князя Хорива Киевского вместе с его детьми, и в их воспитании не делали различий. Когда же отец и мать возвратились, целый месяц шумели большие пиры, а потом отец сказал, что никуда дальше они не пойдут — останутся служить за плату старому Хориву.

¹ Миклегард — так скандинавы называли столицу Византии Константинополь. Славяне его называли Царьград.

Ясноок был рад, он уже успел прижиться в Киеве и сдружился с княжичами. Отец и мать теперь будут с ним — это ли не предел мечтаний?

Все начало меняться этой весной, когда в Киев-град приплыли ладьи варяга Оскальда. Вновь прибывших приняли с почетом — ибо Оскальд заявил, что идет на юг попытать военной удачи. Но что-то не больно он спешил ввязываться в битвы, зато много времени проводил с киевскими боярами да со старшинами племени полян¹.

Отчего-то это очень тревожило ярла Эгиля. И мальчик, по примеру отца, тоже с опаской поглядывал на бородатого викинга в золоторогом шлеме. Особенно же невзлюбил он младшего брата Оскальда, рыжего Дира. Дир был на шесть лет старше Ясноока, а уже мнил себя любимцем богов и великим воином. Вот кто не упускал случая посмеяться над сыном Вальгерд с его деревянной Лешачихой! А однажды, набравшись наглости, Дир даже осмелился приставать к матери, но спустя минуту уже катился по земле, получив хорошую затрещину. Рука воительницы была по-мужски тяжелой. Вот уж когда Ясноок вволю посмеялся!

Но вскоре произошло что-то совершенно неожиданное. Ясноока с княжичами и княгиней Тьорд среди ночи незаметно вывезли из Киева, приказав скакать в Витхольм — крепость, выстроенную ярлом Эгилем на реке Стугне. За ее надежными стенами они и жили до этого дня.

От воспоминаний Ясноока отвлек голосок проснувшейся Милы. За нею пробудились и княжичи. Хорив капризно запросил еды, и Ясноок тоже ощутил голод. Сколько же они сидят здесь, во тьме?

Княгиня нарезала хлеба, намазала густым медом, разлила по чашам сладковатый квас из крынки. Поев, дети оживились, даже затеяли дурашливую возню. Тьорд прикрикнула было на них, но вдруг застыла, прижав руки к груди и вся превратившись в слух.

¹ Поляне — славянское племя, обитавшее на берегах Днепра с центром в Киеве.

Теперь и Ясноок различал звуки. Снаружи доносились шум, крики, грозный гул. За дверью слышался женский визг и плач. Княгиня жалобно вскрикнула, поднесла руку ко рту, закусив костяшки пальцев. В дверь застучали и — слава богам! — раздался голос Вальгерд:

— Тьорд, отворяй! Это я!

Ясноок первым бросился к проему. Откуда и силы взялись отодвинуть тяжелый засов! Дверь распахнулась, и он едва успел подхватить пошатывающуюся мать. Вальгерд едва держалась на ногах, прижимая руку к боку, откуда сквозь звенья кольчуги просачивалась кровь.

— Идем!.. — увлекала она.

— А мы? А я?.. — воскликнула княгиня.

Вальгерд взглянула на нее, словно не узнавая.

— Что ж, и вы...

Внезапно княгиня засуетилась.

— А казна как же? — почти взмолилась она. — Злато, серебро? Помоги мне, Вальга!..

Встряхнув головой, Вальгерд повторила:

— Идем. Но помни: на все воля богов. Я же ничего не могу обещать...

Шум и крики волной выхлестнулись из-за ее спины, а за ними густые, острые запахи — дыма и крови. Вальгерд шагнула вперед, увлекая за собой сына. Княгиня мешкала, но лишь мгновение. Подхватила на руки Милу, кликнула сыновей и поспешила следом.

В проходе их заволокло сизым дымом. Где-то визжала женщина. Из-за угла вдруг выскочил воин, замахнулся мечом, но Вальгерд ловко отбила выпад, стремительно нанесла ответный удар. Ее клинок рассек грудь нападавшему. Воительница переступила через оседающее тело.

— Скорее, сюда!

Они свернули за угол терема. Вокруг пылали постройки, земля была скользкой от крови, повсюду валялись трупы. Грохот, выкрики, лязг железа. Нестерпимый жар дохнул в лицо.

Вальгерд шла с мечом наизготовку, сжимая другой рукой запястье сына. Сквозь дым и пыль неожиданно возник Бьоргульф,

и воительница приказала ему помочь княгине с детьми. Старый воин подхватил меньшего, Хорива, старший княжич бежал следом, ухватившись за пояс викинга.

Вальгерд шла быстро, не оглядываясь — туда, где в дыму выступали еще не тронутые пламенем постройки. Вот и крыльцо. Отсюда сходни вели в верхнее жилье, где тянулась галерея на столбах-опорах. Княгиня взвизгнула, заметив языки пламени, но Вальгерд двигалась решительно, словно точно знала, куда держать путь.

Теперь и Ясноок догадался, что мать ведет их к клетям позади спален дружинной избы, почти не пострадавшим от огня. А позади все пылало: и деревянные башни крепости, и высокая кровля гридницы¹, и заборолы с площадками для стражи.

Все плыло в дыму, словно в страшном сне, от которого нет пробуждения. Ясноок машинально сжимал в руке свою деревянную Лешачиху — другого оружия у него не было, а с ней он чувствовал себя надежнее. Но ему и в голову не пришло воспользоваться ею, когда на них снова напали в узком переходе. Однако мать и Бьоргульф, встав плечом к плечу, отбились и на этот раз. Насмерть перепуганная княгиня голосила так, что Вальгерд пришлось зажать ей рот, испачкав щеки Тьорд кровью и сажей.

— Молчи! Уходить надо тихо.

Они почти миновали длинный переход, когда позади раздались яростные выкрики, лязг оружия. И истошный крик княгини. Вальгерд, уже стоявшая на ступеньках сходней, замерла, не отпуская руки сына, и глухо застонала. Она не хотела оборачиваться, не хотела ничего знать об этой новой опасности, ибо силы воительницы были на исходе.

Ясноок все-таки оглянулся. По проходу приближались незнакомые варяги. Кто-то схватил княгиню и поволок, она отчаянно отбивалась, неистово крича. Маленькую Милу отшвырнули к стене, и она с плачем поползла, все еще прижимая к себе куклу. Старый Бьоргульф бешено рубился сразу с двумя воинами. Оба княжича также оказались в руках варягов, но старший

¹ Гридница — просторное помещение для пиров и собраний дружины.

тут же вцепился зубами в руку воина, рвавшего парчу на княгине.

У Ясноока все оборвалось внутри, когда разъяренный варяг обрушил на парнишку секиру и его товарищ по детским играм рухнул под ноги врагов. Что случилось с младшим из братьев, он уже не видел. Проход загородила широкая спина Бьоргульфа. В одной руке его был меч, в другой неизвестно откуда взявшаяся шипастая палица. Старый варяг ярла Эгиля сражался, как лучший из сынов бога войны Одина.

— Вальгерд, беги!.. — долетел из гущи схватки его звериный рык.

Воительница еще какое-то время стояла на месте, словно окаменев. Все вокруг заволакивалось дымом.

— Нужно идти!.. — то ли вскрикнула, то ли простонала она.

Теперь она снова увлекала сына за собой, и он еле поспевал следом, спотыкаясь и падая. Его мутило, перед глазами плыли круги, горький дым раздирал легкие.

Внезапно дым поредел. Мать толкнула какую-то дверь. Заперто. Она толкнула сильнее и громко выругалась. Но мальчик видел, что она едва не плачет. Еще удар плечом, еще один... Вальгерд застонала, хватаясь за бок.

«Сколько крови!» — охнул Ясноок, бросаясь, чтобы поддержать ее.

— Мама! Мама!..

Теперь настал его черед. Схватив мать за локоть, он изо всех стал увлекать ее за собой — в дальнюю клеть, где хранилась одежда челяди.

— Сюда!..

Маленькое бревенчатое помещение, вдоль стен грубые сундуки, покрытые овчинами. Наверху, под скатом кровли, подслеповатое оконце. Ясноок знал, что за ним тянется дощатая кровля боковой галерейки, примыкающей к острым бревнам частокола, а уже за ним — некрутой спуск к лесу, что за Витхольмом. Когда-то они с княжичами играли здесь и даже тайком выбирались из крепости. Вот был переполох, когда их хватились!

Все это Ясноок говорил матери на ходу, когда, отбросив бесполезную Лешахичу, принялся карабкаться к окошку. Вьюном

протиснулся наружу и, уже лежа на кровле галерейки, протянул к матери руки. И похолодел.

Проем оконца был слишком мал для нее.

Ясноок заплакал, не переставая твердить сквозь слезы:

— Поднимайся, мама, у нас получится!

Вальгерд стояла внизу, прижимая ладонь к ране в боку, и смотрела на него с полуулыбкой. Наконец она нашла в себе силы проговорить:

— Беги, сын. Но помни, кто ты. Помни свой род. И пока ты жив — живы и мы с отцом.

Но он уже стал протискиваться назад. Вальгерд выталкивала его, приказывала. А потом он струсил, шархнулся в сторону, когда за спиной матери раздались шаги, послышались голоса. Ясноок вжался в нагретую солнцем кровлю.

И сам отругал себя за трусость. Подполз к окошку.

Теперь он снова видел мать. Она стояла спиной к окну, вытянув вперед руку с мечом, а напротив стоял не кто иной, как сам золоторогий Оскальд. Они что-то говорили, но мальчик в смятении не разобрал слов. Потом... Короткий лязг — и мать пошатнулась, выронив оружие. Оскальд стоял над нею, его бородатое лицо с холодными светлыми глазами оставалось равнодушным.

— Добей, если в тебе есть хоть капля чести, Навозник, — прохрипела, захлебываясь кровью, Вальгерд.

Ноги уже не держали ее, и она начала оседать, держась обеими руками за шею. Вальгерд говорила на северном языке, который Ясноок, живя в Киеве, уже плохо помнил. Однако главное он понял и едва не закричал, но горло словно что-то сдавило.

Опять шаги, и рядом с Оскальдом, чуть не столкнувшись с ним, возник еще один варяг. Рослый, тонкий станом, с окровавленным мечом в руках. Личина шлема скрывала верхнюю часть его лица. Завидев раненую воительницу, он расхохотался:

— О, да это омела злата¹, сама Вальгерд Легконогая!

— Кажется, она была тебе по душе, брат, — равнодушно обронил Оскальд. — Вот ты и добей ее.

¹ Красивая женщина (кеннинг).

Он повернулся и ушел.

Ясноок видел, как младший варяг снял шлем, и тотчас узнал ненавистное худое лицо Дира. Рыжие завитки волос прилипли к его разгоряченному лбу, он хищно улыбался.

— Конечно, добыю, клянусь Валгаллой. Но сперва...

Цепляясь за стену, Вальгерд оседала, истекая кровью, но Дир подхватил ее. Женщина была выше ростом и силы ей было не занимать, но сейчас Дир с легкостью сломил ее сопротивление и швырнул на сундуки. Несколько мгновений он возвышался над нею, торопливо распуская шнуровку кожаных штанов.

Шея Вальгерд была в крови, золотые волосы также слиплись от крови. Приподнявшись из последних сил, она сделала отчаянную попытку толкнуть насильника ногой, но Дир только рассмеялся. Задрав ее кольчугу и кожаную подкольчужницу, он оголил живот и бедра женщины. Один ее бок чернел запекшейся кровью. Рывком сорвав с жертвы остатки одежды, он одним движением раздвинул ей ноги и навалился сверху.

Ясноок смотрел. Видел, как Дир толчками двигался на матери, что-то выкрикивая, оскорбительное, злое. Видел ее белую, всю в крови, кисть руки, хватающую Дира за короткие рыжие волосы. Потом рука бессильно упала. Дир же продолжал свое дело, двигаясь все быстрее и быстрее.

Мальчик не помнил, как снова оказался в клетке. Поначалу он оцепенел, не зная, что делать. Но тут на глаза Яснооку попала его деревянная Лешачиха. Довольно тяжелая, но рука мальчика давно привыкла к ее тяжести. Он поднял оружие, коротко взмахнул им и что было сил опустил на голову насильника.

У девятилетнего мальчишки не так уж много сил, и тем не менее Дир обмяк и застыл, навалившись на Вальгерд. Ясноок уперся ему в плечо, и варяг, хотя был довольно тяжелым, мешком сполз на пол и остался лежать без движения.

Ясноок больше не глядел на Дира. Сейчас он видел только мать и кровавую рану повыше ее ключицы, сквозь которую утекала жизнь. Глаза Вальгерд еще не начали стекленеть и были ясными, словно она все еще жива. Но эта прекрасная воительница, истинная валькирия, уже ушла. Ушла в час поражения и позора. Он остался совершенно один.

Мальчик не думал, что Дир может очнуться, что сюда могут войти, не замечал просачивающихся в щель под дверью волокон дыма. Он долго смотрел в лицо матери, а потом начал одевать ее — натянул кожаные штаны, опустил тяжелую, пропитанную кровью кольчугу. Затем по северному обычаю закрыл ей глаза и ноздри, поднял с пола меч и вложил в холодеющие руки. Теперь Вальгерд была готова пуститься в путь через сверкающий Биврьост.

— Мама... Я уйду, мама. Но я... клянусь... Клянусь кровью предков, клянусь своим местом в Валгалле — я еще вернусь... И отомщу за тебя и отца. Верь мне!

Все вокруг быстро заволакивало дымом. За дверью послышались голоса.

Ясноок, словно ласка, юркнул в оконце и быстро скатился по кровле. Теперь он был у самого частокола. Не раздумывая, мальчик перебрался через стену из затесанных дубовых бревен, на мгновение повис на руках и, разжав пальцы, полетел вниз. Больно ушибся и покатился вниз по склону. Если бы угодил в одну из ям-ловушек с кольями — ему пришел бы конец. Но обошлось. Ползком, огибая мертвецов, валявшихся там и тут, перебрался он через рвы и вскоре оказался среди зарослей.

Наконец Ясноок мог перевести дух. В глаза било закатное солнце. Вверху, на холме, пылал Витхольм, от просмоленных бревенчатых стен к багровому небу поднимался черный дым. Вот он — погребальный костер его матери и воинов-руосов, каждого из которых он знал с детства!

— Я вернусь... — прошептал Ясноок.

Но едва он углубился в чащу, как чуть не столкнулся еще с одним человеком, глядящим на пылающую крепость. Мальчик не успел даже испугаться. Это был мужчина с длинной, прощитой сединой бородой, облаченный в просторные белые одежды. На его груди, отражая закатные лучи, блестел золотой знак Перуна¹ — стрела-зигзагица. Волхв!

— Славно сражались эти русы с Севера, — произнес волхв, не сводя глаз с пожарища. — Почти два солнца держали осаду...

¹ Перун — верховный бог-громовержец, покровитель воинов в славянском языческом пантеоне.

Но, должно быть, удача была не у них, а у людей Велеса. Такое уже бывало, малец. Порой и Велес берет верх...

Теперь он говорил с Яснооком, опустив на его плечо большую теплую ладонь. В голосе волхва звучала грусть.

— Ты ведь сын Эгиля Вагабанда и красавицы Вальгерд?

И тут Ясноок заплакал навзрыд. Произнесенные вслух имена погибших родителей словно прорвали глухую запруду, и слезы хлынули ручьем.

Волхв смотрел на него глубокими карими глазами.

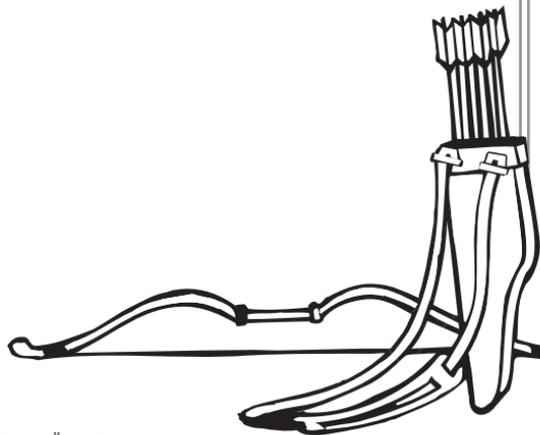
— Идем со мной. Я слышал, ты обещал вернуться. А чтобы вернуться, нужно сперва найти силы уйти. Ну же, не упрямясь!

И Ясноок пошел за волхвом.

ЧАСТЬ I

НАВОРОПНИК¹

¹ Наворопник — засланный, шпион.

ГЛАВА 1

Год 880

понимании людей, зиме было самое время отступить — березозол¹ уже к Масленице повернул. Однако вновь задули с полуночи² холодные ветры, занесли все снегом. Такое и в прежние времена бывало, однако в этот раз, после третьего подряд недорода, долгая зима казалась особенно тяжелой.

В эту ночь мороз выдался как никогда лютым. И когда староста селища терпеев³ Збуд приоткрыл двери избы, холодный пар так и заструился у его ног.

— Не желает Морена-Зима размыкать землю к весне, — хмуро проворчал староста.

— Так, может, и не следует мне идти? — заискивающе спросила Збуда его молодая жена.

— Не гневи богов, Ясенка, — стукнув дверью, возмутился Збуд. — Ты моя женщина, ты старостина жена, тебе начинать изгонять Коровью Смерть⁴, пример показывать.

Ясенка недовольно закусилась губу. Идти на такой мороз голой, бегать по снегу... Она недобро покосилась на сидевшую на лавке у стены темноволосую девушку.

— А она как же? Ей пошто не велел идти?

¹ Березозол — март.

² То есть с севера.

³ Терпеев — одно из небольших славянских племен.

⁴ Коровья Смерть — по поверьям, злобный дух, вызывающий падеж скота.

— Цыц, я сказал! — рассердился Збуд. — Отвяжись от Карины, Ясенка. Сама знаешь, тяжелая она, княжьего сына носит. Его сберець надобно.

— Всегда так, — надулась Ясенка. — Мне на мороз, а ей... Ишь, ходит с косой, словно не вдовствует, все из себя девку корчит. Вот теперь в тепле отсиживаться будет, пока мы... Одно слово — Карина! — И добавила злобно: — Укора!..

Черноволосая девушка никак не отреагировала. Ее звали Каринной, но когда злились — Укорой, Карой. Имя такое недоброе ей дали с рождения, после того как мать ее, промучившись в тяжелых родах почти трое суток, родила наконец дочь, а сама умерла, истекшая кровью. Бабы-повитухи говорили, что редко когда женщина такие муки в родах принимает. Вот и назвали новорожденную Карой — Каринной. И она сжилась с этим именем. Но всякий раз, когда ее называли Укорой, внутренне сжималась.

Ясенка не зря на нее злилась. Одной красивой бабе всегда завидно, когда рядом жалеют другую красавицу. А к Карине относились бережно. Она для Збуда была всего лишь нестера, дочь сестры, а вырастил он ее как свою. У него-то одни сынки рождались, вот и баловал единственную девчонку в доме, лелеял, подарками засыпал.

Когда Карине было семь годков, ее хотели принести в жертву Велесу. Жрецы-волхвы сразу углядели в толпе удивительно красивую девочку, указали на нее. Но Збуд не отдал им сестрину дочь, поведав, что, когда Боян в селище захаживает, никогда не обходит Карину вниманием. А ведь ведомо — Боян певец редкостный, любимец Велеса. Кто разгневает Бояна — самого Велеса оскорбит. Поэтому волхвы и отступили. Когда же Карине тринадцать исполнилось, опять ее выделители среди других. На этот раз сам князь радимичей Боригор. Терпеи на его землях жили, обязаны были содержать дружину князю. Вот в один из его наездов и заметил Боригор в хороводе среди девок красавицу необычную: с глазами прозрачно-серыми, ресницами лучистыми, толстой черной косой, телом еще полудетским, но легким, приятным. Тринадцать для девушки — чем не невеста? Вот Боригор и оказал терпеям честь, решив взять к себе меньшицей¹ юную терпейку из Мокошиной Пяди. Однако Карина оказалась из недоспелок, не стала женщиной

¹ Меньшица — во времена многоженства младшая жена.

к тринадцати. Когда Боригору сообщили об этом, думали, откажется. Однако князь все равно глаз с нежного личика Карины отвести не мог, а уезжая, подозвал к себе вуй¹ девочки, Збуда, и передал ему вено², а невесте богатый подарок — монисто в три ряда, все сплошь из серебряных дирхемов³ новеньких. Велел, чтобы Карина носила его как знак, что она уже князю радимичей обещана.

Так и проходила Карина в серебряном монисте три года. Боригор же не показывался, даже гонцов не слал — узнать, как подрастает его избранница. Но на то причина была: весть о том, что Боригор самому Диру Киевскому отпор дает, даже в Мокошину Пядь дошла. Но над Кариной все равно посмеивались — дескать, теперь их первая красавица всю жизнь вековухой проходит — и не жена князю, и не вдовица. Но разговоры смолкли, когда Боригор все же приехал в Мокошину Пядь. Глядел на подросшую красавицу, слова молвить в восхищении не мог. А она подняла очи на его обезображенное шрамами лицо, на седую бороду, мешки под глазами... Ах, лучше бы и век не являлся за ней князь Боригор Радимичский! Горько было молодость и красу ему отдавать, когда за ней молодые и пригожие парни словно ручные ходили, в глаза заглядывали. Но вено было уже уплачено, да и щедро одарил князь терпеев за то, что сберегли для него красавицу: три воза с зерном передал селищу, сукно, руду для кузниц. И Карину отдал князю. Начались два года ее постылого супружества. Однако сейчас ей все чаще казалось, что не так уж и плохо жилось ей за старым Боригором.

По ногам в избе вновь потянуло холодом. Это Збуд опять открыл дверь, вглядывался в морозные звезды, определяя время.

— Пора, — сказал наконец. — Иди, Ясенка. Тебе ход начинать.

Карина снова ощутила на себе недовольный взгляд молодой жены вуй. Но мужу перечить та не посмела, поднялась, резко сорвала с головы кичу⁴, тряхнула рыжими косами.

— Прими, Ясенка, — протянула ей Карина горшочек с растопленным салом.

¹ Вуй — дядя по матери.

² Вено — свадебный дар-выкуп за невесту.

³ Дирхем — арабские серебряные монеты; во времена, когда славяне не чеканили своей монеты, дирхемы использовались и как деньги, и как украшение.

⁴ Кика — головной убор замужних женщин.

На дворе мороз лютый, а Ясенке голой бегать по холоду до первой зорьки, гнать прочь из Мокошиной Пяди Коровью Смерть. Хотя говорят, что бабы в охоте за Коровьей Смертью в такой раж входят, что и холода не чувят. И все же Ясенке поостеречься не мешало — молодая еще, не рожавшая.

Однако Ясенка не раздобрилась от внимания мужниной нестеры.

— Что, услужить пытаешься, вину чуешь? Всем ведомо, что Кара кого угодно сведет со свету, а сама дальше пойдет, подола не замочив, глаз бесстыжих не...

— Да уймись ты, баба глупая! — вконец рассердился Збуд.

Карина же гнева-обиды не выказывала. Просто смотрела огромными глазами цвета дождевых облаков. Люди говорили — взгляд у нее подлинно княжеский, да и манера горделиво держать голову знатная. Такая, что даже строптивая Ясенка не выдержала, отступила, только пробурчала что-то обиженно. Мол, все против нее: и Укора, и муж родимый, и пасынки, что только гоготали, сидя на полатах да ожидая, когда молодая мачеха на гон пойдет. Ясенка вдруг ощутила злость, да такую, что и бодрящий напиток пить не надо. Что ж, если им так весело, то уж и она повеселится. И быстро, прямо на глазах у мужа и пасынков стала раздеваться, скинула телогрею, резким движением подняла подол рубахи, сняла через голову.

Сыновья Збуда, перестав ржать, открыли рты. Даже маленький Буська, уже дремавший, привстал. А старшие... Они уже в возраст вошли, Каплюша вон сам в ночь на Купалу девок по кустам валял. А тут молодая мачеха вся перед ним, ладная, с круглыми большими грудями, крепким животом нерожавшей молодухи, рыжим пушком промеж крутых молочных бедер.

— Постыдилась бы! — опешил Збуд. — В закуте бы разделась.

— Пошто в закуте? — победно улыбнулась Ясенка. — А бесстыжим своим скажи, чтоб не пялились.

Сама будто и не замечала, как парни на нее смотрят. Стоя у очажного огня, медленно, сладострастно растирала по телу жир, улыбалась чему-то своему.

Староста строго велел сынам лезть на полати, задернул за ними занавеску. Ругаясь сквозь зубы, протянул Ясенке опьяняющий, заговоренный ведунами напиток для гона Коровьей Смерти. Едва та выпила, толкнул к двери.

— Пошла!

Морозная дымка так и объяла ее белое тело. Взяв заранее приготовленный отточенный серп, она шагнула в ночную темень — легкая, голая, сально блестящая — и заголосила, завывала люто, как и положено. И, как ожидалось, захлопали то там, то здесь двери изб, раздались отовсюду оглашенные бабьи визги, крики.

Коровий гон — изгнание мора, что на скотину напал и губит кормилиц домашних. Его только бабы и могут изгнать — традиция старая, но верная. Бегут голые бабы вокруг селища, тянут на лямках плуг, опахивая все дома, и голосят при этом, стонут, воют дико. Злость и ярость показывают хозяйки Коровьей Смерти. Не выдерживает «скотья лихоманка» такого. Либо издохнет прямо в селище, либо укроется, убежит прочь. Только бы бабы ее как следует донять сумели. Потому и поят их зельем особым, потому и носятся по снегу голые и распатланные, с серпами, ножами, тяжелыми сковородами, голосят. Все бегут — и девки, и бабы, и молodiцы. Лишь непраздных¹ на дело это не пускают — чтобы дитю охота ночная не повредила.

Карина слышала дикий вой женщин за стенами. Мужики же сидят по домам, не смея нос наружу высунуть. Нельзя на баб в это время глядеть, иначе от ворожбы никакой силы не будет. Но случилось, что Коровья Смерть сама навстречу бабам идет, словно притянутая, — то путником прикинется заплутавшим, то глупым дитем, вылезшим за мамкой в ночь. Тут у женщин жалости нет, обману не поддадутся — вмиг разорвут, раскромсают. Однажды Коровья Смерть в деда-бортника, одиноко жившего на окраине селища, вошла. Вот он, духом злым наполненный, и вышел бабам навстречу. И ничего от него не осталось. Растерзали, разбросали бортника так, что только куски мяса по округе валялись. Правда, кое-кто говаривал, что старика просто болезнь своя доняла. Один он жил, да и помогать ему уже селище устало. Вот и решил бортник принять в себя Коровью Смерть, выйти навстречу бабам бешеным. Да только зря старался старик. Не вошла в него Коровья Смерть, почувяла подвох, обозлилась, и скотины-кормилицы в ту зиму пало больше, чем когда-либо. Это было в тот год, когда Боригор Карину забирал, вот его подношение Мокошиной Пяди и спасло людей. Долго потом поминали его добрым словом. Да и Карину благословляли. Но это было давно.

¹ Непраздна — то есть беременная, носящая ребенка.

Ныне же Боригор славный уже селищу не подмога. Его свои же — радимичи — в жертву богам отдали.

Дикие голоса женщин раздались совсем рядом. Выли злобно, орали, били железными серпами о котлы, сковороды, скребли ножами по днищам. Во дворах заливались лаем псы, рвались на привязи от всеобщего бешенства. Карина не выдержала, зажала уши ладонями. Тяжело, самой завывать хочется. Лучше отвлечься, думать о чем-то другом... О чем угодно. Вспоминать...

И, сжавшись в комочек, она унеслась мыслями в прошлое. Вспомнила терем в граде Елани у истоков Десны, где жила княгиней Боригора, вспомнила окошки слюдяные, резьбу по балкам, ложе с перинами лебяжьего пуха, яркую роспись на стене, запахи чистоты и богатства. Ах, как не хватало сейчас ей всего этого! А ведь и здесь она жила в лучшей избе, старостиной. Но теперь-то все по-иному ей виделось: замечала и дым, и копоть, и стылость земляных полов, и то, что жили все скопом, не было уголка укромного, горенки какой незатейливой, где уединиться можно. А еще ей вспомнились разъезды с Боригором, когда брал ее князь с собой на все торжища и погосты, из града в град возил, в ловах на зверя потешиться брал. Мир простой девушки из терпеев вдруг сразу расширился, стал большим, людным, интересным. Тогда уже нелепым казалось, что можно прожить весь свой век, не уходя от родного порога. Карина даже жалеть начала вую своего любимого, который, кроме как в окрестных от Мокошиной Пяди селах, нигде не бывал. Все твердил, что человек своим местом силен. Ах, знал бы он, как интересен мир, как хочется ко всему приложить руки... Но прав оказался именно Збуд. И когда приключилась с ней беда, кинулась Карина не куда-нибудь, а в Мокошину Пядь, под защиту старосты-родича. И он не обидел кровную племянницу, обогрел у дымной каменки¹, дал кров. Но все равно Карина не обрела здесь покоя, тоскливо ей было. Даже дитя, что жило в ней, не радовало, обузой навязанной казалось.

Тут на плечо Карины легла тяжелая рука Збуда, и она вздрогнула, оторвавшись от воспоминаний. Лицо же дядьки было напряженным. Он хмурился, прислушиваясь.

— Что это? Слышишь?

¹ Каменка — небольшая, сложенная из камня печь.

Голос был взволнованный, негромкий. Старший сын, Капелюша, рядом стоял, растерянно крутил головой, ловя звуки.

— Никак струсилось что?

Теперь и Карина различила: орали бабы как-то не так, визжали, некоторые звали испуганно. Звук шел от дальнего края селища, оттуда, где огороды в лес упираются.

— Может, бабы с Коровьей Смертью схлестнулись? — высказала догадку Карина.

Однако вскоре и она явственно уловила среди визжащих женских голосов тяжелый мужской гомон. Мужских голосов было чересчур много, они звучали все громче, яростнее, почти заглушая истошный бабий визг. Неожиданно совсем рядом послышались грубый окрик, топот, громкое лошадиное ржание. Собака во дворе, до этого заходившаяся лаем, вдруг залилась тонким болезненным визгом, заскулила. И злой мужской голос отчетливо прокричал одно слово, страшное слово: «Жги!»

— Ох, лихо! — простонал вдруг Збуд.

Карина увидела, как он стремительно схватил топор, кинулся, как был, в одной рубашке, к двери. Еле успела броситься наперерез.

— Не ходи!.. — взмолилась, с ужасом понимая, что там, за бревенчатой стеной, страшное — там смерть.

Пока вуй, ругаясь, отрывал от себя ее цепляющиеся руки, Каплюша уже кинулся к двери с луком, распахнул и застыл на пороге. В избу так и ворвались крики, шум, отсветы огня. Кто-то проехал верхом совсем близко, метнул в проем двери зажженный факел. Пламя угодило в юношу, он отскочил, затоптал огонь и, уже не оглядываясь, с криком устремился во тьму. Дверь за ним хлопнула.

Карина немо уставилась на Збуда. У старосты дергалось лицо.

— В подпол быстро, — процедил сквозь зубы. — Хватай младших детей и прячься.

Она повиновалась. Схватившись за кольцо люка, отбросила тяжелое творило над подполом. Взяв хнычущего Буську, опустила малыша в темный лаз. Семилетний Гудим вдруг заупрямился, стал с плачем метаться по углам, убегая. Гудим всегда боялся мрака подпола, где прячется домовый. Но Карина его все же поймала, почти за волосы подтащила упирающегося мальчишку к лазу, заставила спускаться. Оглянулась — никого более. И Збуд,

и четверо его старших сынов, погодков Каплюши, уже выскочили вон, кинулись защищать баб, спасти селище.

Она закрыла за собой лаз. Теперь вокруг был только сырой холодный мрак подпола. Карина ощупала руками бревнышки стенок. Вдоль них обычно стояли короба, кадки, бадейки, в которых хранились запасы, так что молодая женщина с двумя плачущими малышами едва нашла свободное местечко.

— Тише, тише, — шептала Карина, прижимая к себе две детские головки. — А то услышит нас нечисть из лесу и проберется сюда.

Они смолкли, только нервно икали, давясь слезами. Нечисти опасались все — и дети, и сама Карина, однако сейчас она понимала: то, что случилось, — хуже нечисти. Чужие, лихие тати напали на селище, напали, когда ни оборониться, ни предупредить нельзя. Смогут ли теперь свои мужики отбиться? Сколько напавших-то? Откуда они?

Карина старалась держаться, даже принялась что-то негромко напевать детям. Вскоре по их ровному дыханию она поняла, что испуганные малыши уснули. Детям и положено спать ночной порой. Если бы не шумный гон Коровьей Смерти, они давно бы почивали на теплых шкурах. Но и сейчас уснули, птенчики, сладко и мирно, она же места себе не находит, сидит, словно каменная, расслабиться не может. Если сейчас поднимут творило наверху, если в отблесках пламени возникнет лютая рожка с окровавленным ножом...

Сколько Карина просидела так — не ведала. Постепенно ослабилась, отвлеклась, вновь стала вспоминать прошлое. Припомнила, как некогда ездила с князем Боригором, одетая в меха, в сапожки привозные хазарские. Тогда она гордилась собой и ничего на свете не боялась. Ведь всегда рядом были княжеские кмети¹ с луками за плечами и длинными копьями у стремян, все в добротных куртках из турьей кожи. Князь же имел кольчугу — настоящую, варяжскую, из мелких клепаных колечек. Неуязвимым казался старый Боригор, а она, княгиня меньшая, любимая, тоже считала себя защищенной. Князь ее баловал, развлекал, никому не давал в обиду. Даже на властную княгиню Параксеvu прикрикнул, когда та стала досаждать Карине. А ведь Параксева была стар-

¹ Кмети — воины при князе.

шей женой. У князя Боригора было еще три жены, но всю свою позднюю неожиданную любовь он отдал меньшице, только ее своей Лелей¹, Лелюшкой называл. Ух и злилась же на Карину за это Параксева! Но молчала, не смея перечить мужу. Боригор — он славен и грозен был, сумел племя радимичей отстоять, даже когда жестокий Дир Киевский начал подминать под себя и полян, и северян, и дреговичей². Дира боялись, матери детей пугали жестоким варягом киевским. Боригор же сражался с ним умело, гнал из земель племенного союза радимичей, за то и почитали его, малые племена под руку Боригора просились, моля о защите. Всем достойным казался Боригор. А вот Карине была введена его тайна, знала о слабости мужа с первых ночей супружества. Не было уже в князе радимичей мужской силы, желание было, а вот сил нет... И то, что делал с ней по ночам прославленный Боригор, вызывало в его молодой жене недоумение. И жалость. Пока однажды, в полусне, не поддавалась она его ласкам, не выгнулась, застонав блаженно... Боригор сам не свой после этого был. Карина же понимала, что хоть и не так положено мужьям с женами жить, но постепенно постыдную усладу стала получать в том, что делал с ней князь. Однако тягостно отчего-то было — и ему, и ей.

Но одно Карина уяснила — ей нравилось быть княгиней, нравилось жить в холе и почете, нравились дальние переезды, смена впечатлений. И еще нравилось, что Боригор ей душу поверяет, говорит порой не как с женщиной глупой, а как с мужем нарочитым³. Все беды его она знала, все тревоги. Иногда даже советы давала. Лыстило ей, что великий Боригор прислушивается к речам женщины из терпеев, что и другие ее влияние на князя замечают и особый почет ей оказывают.

Карина знала, что главной заботой стареющего Боригора был его сын — Родим.

Первенец князя, сын властной Параксевы Родим давно повзрослел, свою дружину имел. Властен был Родим не хуже матери, а главным препятствием к княжескому столу считал отца родного. Пока мудрая мать не подсказала, как князя Боригора с пути убрать.

¹ Леля — богиня весны, символ чистой любви, юности.

² Древние славянские племена.

³ Нарочитый — уважаемый, знатный, признанный.

Существовал древний закон: если случается великий недород, если неурожай происходит три года подряд — значит, вина в том правителя, значит, неугоден он богам и несет людям бедствия. И вот, когда на третий год недорода на священной поляне собрались волхвы, вперед выступил Родим-княжич и напомнил племенным вождям и старейшинам об этом законе. Дескать, все беды радимичей пройдут, если волхвы принесут на алтаре в жертву его отца, князя Боригора. Старейшины признали, что такой обычай имеется, а волхвы мудрые посовещались, погадали по крови и дыму и сделали вывод, что Родим прав.

Однако старый Боригор не верил в гадания волхвов и не пожелал сам, как овца, прийти на заклятие. Скрылся он тайно, ушел в леса, где и опытные охотники не все тропки знают. И Карину взял с собой в изгнание. Ух и помыкалась она с ним по чашам и топям, скрываясь, когда посланные ловцы спугивали их с очередного пристанища. А Боригор уже решил, как поступит с любимой женой. Как-то во время ночевки на лесной заимке, в глухомани дикой, сказал ей князь:

— Я ведь понимаю, что рано или поздно меня нагонят и убьют жестоко и безжалостно. А потом с великим почетом погребут в княжьем кургане. Тебя же, как жену любимую, рядом со мной живой закопают. Княгиня Параксева уж проследит, чтобы именно ты меня в загробный мир сопровождала. Даже если я сейчас отпущу тебя, сами волхвы на тебя, Лелечка моя любая, такую облаву устроят, что, хоть сам Лешак схоронит, найдут непременно и к кургану притащат. И только одно тебя может спасти: никто не осмелится хоронить женщину, если у нее под сердцем новая жизнь бьется.

От воспоминаний Карину отвлек глухой шум над головой. Наверху загудело, глухо и тяжело стукнуло, даже сруб подпола содрогнулся, а с бревенчатого творила посыпалась земля. Карина медленно подняла голову, судорожно глотнула. Догадалась, что это прогорела, обрушилась изба старосты. Значит, все. Жив ли еще кто из терпеев или все полегли — она не ведала. Но так тошно, так горько и страшно вдруг сделалось, что зарыдала тихонечко, кусая губы, чтобы не завывать в голос, не напугать мирно сопевших рядом деток. Плакала долго, давилась слезами. А потом пришло отупение. Она сидела, уставившись во мрак неподвижным

взором, и сама не заметила, как опустились ресницы, исчезли мысли. Пришел сон.

Разбудил ее детский плач. Буська проснулся первым, растолкал Гудима, и они вдвоем тормозили ее, просили кушать. Дети всегда просят есть, когда есть нечего. Вот и сейчас Карина лазила в темноте по пустым закромам, скребла по днищам коробов. Все же удалось обнаружить горшочек с медом липового летнего сбора. Они ели густой сладкий мед, а на зубах хрустела земля. Противно было.

— Надо попробовать выбраться, — то ли себе, то ли детям сказала Карина.

Сказать легче, чем сделать. Сверху их завалило намертво. Карина взобралась повыше, нашла между толстыми бревнами сруба щель и, вставив в нее обе ступни, упираясь плечами и головой в творило, стала пытаться отворить подпол. Пробовала опять и опять. От натуги дрожало все тело, скрипела на сжатых зубах земля. Дети снизу что-то спрашивали, Буська даже советовал. Ее это только злило. Подумалось мельком — мыслимо ли брюхотой такую тяжесть, как дом, поднимать? Она задыхалась, делала новые попытки, пока в какой-то момент не поддалась отчаянию. Стала кричать, биться в тяжелое творило, звать, уже не думая о том, что может напугать малышей, что сверху могут оказаться окаянные убийцы. Боги пресветлые!.. Да уж лучше быстрюю смерть от булата принять, чем задохнуться во мраке холодного подпола.

И тут, словно кто-то помог ей сверху, загрохотало и люк сдвинулся. В глаза резануло светом. В первый миг Карина даже ничего не могла разглядеть. Потом закусила костяшки пальцев, чтобы не закричать. Рядом был староста Збуд. Но она еле узнала любимого дядьку под этой бурой маской запекшейся крови. У Збуда не было глаз — одни раны кровавые. Ей понадобилась вся ее воля, чтобы не запричитать. Выбралась наверх. Огляделась. Все. Теперь кричи, не кричи — без толку.

Не было больше Мокошиной Пяди. Раньше стояло большое селение, до двух десятков дворов насчитывало. Сейчас же вокруг лишь обгорелые кучи пепла, остовы каменок да дымок вьется над догорающими кое-где балками. В ноздри несло гарью и сладковато-приторным запахом горелой плоти. Медленно летали в воздухе легкие хлопья пепла. А в чистом голубом небе холодно светило ясное Хорос-солнышко.

Карина глядела вокруг расширившимися глазами. Збуд говорил, что человек силен своим местом. Но это место было не ее, она не узнавала его. И трупы... Сколько трупов! Кто же это не боится кары, оставив тела непогребенными, не опасаясь, что души убитых будут его преследовать?

— Дир, — словно прочитав ее мысли, слабо прошептал Збуд. — Князь-разбойник Дир проклятый...

Карина склонилась над старостой. От горя похолодела. Лицо ослепленное — сплошная страшная маска, на животе рубаха побурела от крови. Рука порублена, покалечена. Как же он жив до сих пор, где набрался сил, чтобы откинуть, откатить обгорелое бревно, завалившее творило подпола?

Он что-то пробормотал. Склонившись, Карина различила:

— Да детей достань, княгиня глупая.

Он все еще величал ее княгиней. Она же была растеряна, перепугана. Послушно выволокла грязных, перепачканных медом Буську и Гудима. К меду тут же пристала сажа. Малыши выглядят бы даже забавно, если бы не были столь перепуганными, жалкими, не дрожали бы так от страха и холода, прижимаясь к отцу. Но и последнего словно боялись. Гудим стал реветь. За ним расплакался и Буська.

Младший все же спросил:

— Тятя, а где Капелюша? — Даже привстал, оглядываясь, но тут же вновь прильнул к отцу: — Тятя, мне холодно. Спинка мерзнет.

Зимнее солнце светило, но не грело. В холодном сыром воздухе запах гари казался особенно резким. Дети плакали, мерзли, Збуд истекал кровью. Надо было что-то делать.

Явь казалась страшным сном, когда Карина, бродя среди обгорелых, порубленных тел сельчан, пыталась хоть что-то отыскать, что могло помочь уцелевшим, или надеялась, что еще кто-нибудь очнется, окликнет ее. Но все было тихо, только каркало воронье, под ногами хрустели обгорелые головешки да хлюпала снежная слякоть вперемешку с пеплом. Разбойники не пощадили никого, пострадали и стар, и млад, и пригожие бабы из Мокошиной Пяди. Разбой обычно разжигает похоть, но бабы во время гона Коровьей Смерти бешеные, их убить легче, чем повалить. Вот и убили... Карина увидела Ясенку. Страшная рана темнела

у той от ключицы и тянулась, раскраивая ребра. Карина склонилась, накрыла рукой распахнутые пустые глаза Ясенки.

Она постаралась взять себя в руки. Конечно, ей не под силу погresti всех сородичей-селян. Однако не бросить же их так на растерзание зверью... И когда там, где некогда была кузня, Карина обнаружила среди пепла гнутый серп, она стала срезать им росшие вокруг селища кусты и, как сумела, накрыла тела погибших.

Она работала быстро, торопилась, вскоре даже жарко стало, хотя была только в рубахе, безрукавке меховой и поневе¹ с вышитым подолом. А на руках нелепо, даже кощунственно сейчас смотрелись дорогие браслеты с камнями и эмалевыми цветами, на шее ожерелье-монисто в несколько рядов — все, что осталось от некогда княжеской жизни. Да и была ли эта жизнь когда?.. Карина сейчас с радостью обменяла бы эти богатства на потертую овчину, чтобы укрыть детей, самой прикрыться от холода. Пришлось с мертвых тел последнее стягивать, напяливать на детей заскорузлые от чужой крови рубахи, одну на другую. Ведь скоро заведереет, совсем холод пройдет. Чем-то укрыла, укутала лежавшего в беспмятстве Збуда. Что осталось, надела на себя, не думая, как ужасно выглядит — вся в золе, в жутких кровавых лохмотьях, растрепанная, но с богатейшим княжым монистом на шее. Карина сунула его за пазуху, шею до подбородка обмотала обрывками чьей-то пушистой шали. Ах и славилась же некогда Мокошина Пядь мастерицами вязать из шерсти местных коз такие вот роскошные пушистые изделия!.. Больше этого не будет. Нет больше Мокошиной Пяди...

Она все же разревелась. Накрыла последние уложенные рядами тела ветками. Все. Большого сейчас она для них не может сделать. А вот что сделает — так это двинется вслед опускающемуся солнышку. Путь она знает, будет идти, пока не доберется до ближайшего капища бога Рода. Жители Мокошиной Пяди волхвам этого капища всегда большие требы носили, и те не посмеют отказать ей в приюте.

Карина уложила полубесчувственное тело старосты на срубленные серпом ветки молодых сосенок, соорудив что-то вроде охотничьих волокуш. Связав из тряпья постромки, впряглась в них. Когда сдвинула с места волокуши, Збуд все же застонал, молвил:

¹ Понева — славянская запашная юбка.

— Оставь меня, Карина. Белая¹ уже подле меня. Ты лучше о детях позаботься.

Не оглядываясь, она молча потащила волокуши по талому снегу, только прикрикнула, чтобы Гудим с Буськой следом шли. На слабый зов старосты не отвечала. Карина вообще была не больно болтлива, а сейчас в ее сердитой немоте Збуд угадывал присутствующее ей упрямство. Карина всегда была девка с норовом, всегда по-своему поступала.

Снег был рыхлый, глубокий. Она стала уставать, но запретила себе останавливаться, лишь порой оглядывалась на детей. Сколько так смогут идти малыши семи и четырех годков от роду? Ничего, если устанут, сообразят позвать или пристроиться подле отца на волокушах. И первым не выдержал старший, капризный Гудим. Карина только стиснула зубы, когда постромки волокуш сильнее врезались в плечи. Буська, тот дольше ковылял, пока Карина сама, опасаясь, как бы малец не отстал, велела ему пристраиваться возле отца и брата.

Збуд порой негромко постанывал. Слепленный, он не видел солнца, но спрашивал у Гудима — высоко ли светило? Карина и сама понимала, что времени у нее в обрез, пока не настанут потемки. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, стала вспоминать, как некогда, еще девчонкой, бегала здесь с сыновьями Збуда, позже охотилась с ними. Братья, да и сам Збуд говорили, что отличная из Карины получилась охотница: и след зверя отыскивала умело, и белку била в глаз. Никогда охота ее не была порожней, видеть, любил ее Лешак-хозяин за то, что первую добычу девка всегда ему оставляла, не забывала и домашнее угощение — пирожок или яичко вареное — на пенек положить. А вот с домовым у Карины не больно ладилось, не помогал ей запечный дух — и похлебка у нее переваривалась, и хлеб клонился верхушечкой не в ту сторону, а то и молоко горячее прямо на глазах сбегало белой пеной. Да, хозяйки-стряпухи из нее не получилось. Первая жена Збуда учила ее, да и то не выдержит, скажет в сердцах, что, мол, у девки обе руки левые. И кто такую в жены возьмет? А вот взял же, сам Боргор взял. А за ним и Родим принял на ложе, жемчугами украсил, даже женой назвал. Да только сбежала она от Родима.

¹ Белая — злой дух, предвещающий скорую смерть.

Частоколы капища должны были вскоре возникнуть за ближайшим ельником, когда ее внимание неожиданно привлекли следы. Не зверя дикого, а коней подкованных. Похоже, отряд прошел. Двигался он вокруг ельника, туда же, куда и она, к капищу. Однако как раз на повороте еще один след шел, словно всадники, посетив капище, уже покинули его. И нехорошо стало на душе. Догадывалась, кем могли быть эти снующие по округе отрядники.

Карина двигалась осторожно, прислушивалась. Вроде спокойное все. А потом, когда показались бревна частоккола капища, она увидела служителя-волхва. Он стоял у ворот в вывернутой овечьей накидке — длинноволосый, длиннобородый. Глядел на них, потом обернулся, сказал что-то, и еще трое волхвов вышли на размокший от снега воротный проход. У Карины даже слезы на глаза навернулись от облегчения. Добралась-таки. Сейчас им помогут, накормят, обогреют, Збуду помощь окажут. Ведь всем известно, какие знатные лекари волхвы.

И тут служители капища, выйдя вперед, загородили дорогу взятыми наперевес длинными посохами.

— Куда идешь? Прочь!

И, видя, что она оторопело молчит, один из них пояснил:

— Мор в округе. Верхогрызка¹ косит людей целыми селищами. Вот и не можем никого принять.

— Мор... — только и пробормотала Карина.

Да, конечно же, в доме старосты о том поговаривали. Однако мор где-то в стороне был, в терпейские леса не дошел. Мор — это единственное время, когда даже священный закон Рода о гостеприимстве теряет силу. Но ей-то что теперь делать?

Карина смотрела на волхвов, измученная, усталая, в отрепьях. А ведь волхвам известно, кто она. И она так и сказала: мол, не признавать меня не можете, а не окажете помощи, не прощу. Видела, как они переглядываются. «Тоже мне, волхвы всемогущие».

— Со мной двое малых детей и раненый староста из Мокошиной Пяди. Там набег был...

— Знаем.

— Знаете?

Они словно замялись.

¹ Верхогрызка — болезнь со смертельным исходом, эпидемия.

— Мокошину Пядь бы не тронули, но там бабы сами виноваты. Дружинники Дира только поглядеть хотели. И ты виновата. Кара ты. Ни Боригору от тебя не было радости, ни Родиму. Да и в свое селище несчастье принесла.

Когда такое говорят волхвы вещие — впору умом тронуться. Но Карина уже не была наивной девочкой из терпейского племени. И вместо того чтобы заголосить, завывать и просить волхвов ее, такую поганую, прочь гнать, сама наступила. Что ж такое — они ее обвиняют, а след врагов радимичей, дружины Дировой, так и вьется вокруг их капища? И не волхвы ли, чтоб откупиться от киевлян-находников¹, направили тех на богатое селище терпеев?

— Злая ты, — изрек наконец один из волхвов. — Кара.

— Карой я стану, если вы меня не послушаете да помощь не окажете. Уж я поведаю, как вы смогли Дира от себя отвадить.

Но сама уже понимала, что перегнула палку. Вот убьют ее сейчас служители Рода, а все решат, что и ее, красавицу Карину, погубили люди Дира в терпейском селении. И пока волхвы злобно шипели, что, дескать, ничего-то ты, девка, не докажешь, она уже им сговор предложила. Скинула с запястий чеканные, в цветах эмалевых браслеты и, протянув волхвам, предложила: она уйдет, но заплатит им за то, чтобы приютили детей и старосту.

Волхвы согласились. Сказали, что возьмут по браслету за каждого ребенка. Збуд же...

Карина настаивала:

— Он ведь глаз лишился... Грудь кровоточит.

Но староста сам окликнул сзади:

— Да за себя проси. Меня же оставь. Мой час близок. Не все ли одно где...

Ох и накричала бы на милого дядьку Карина, если бы не столь слаб был. А волхвы так и ухватились — дескать, последняя воля умирающего. Карина же одно знала: она не она будет, если милого Збуда бросит, если не сделает все, чтобы спасти его. Вот и осталась с ним.

— Всегда упряма была, — слабо прошелестел Збуд.

Она не ответила. Смотрела, как волхвы уводят мальчиков. Думала о том, что их ждет. Встретятся ли еще? А если нет... Что ж,

¹ Находники — люди, совершающие набеги; грабители.

в капищах всегда были дети, которых обучали, держали как слуг, но кто проявлял себя, тот и волхвом стать мог. Но все равно на глаза навернулись слезы, когда уже у самого частокола мальчишки оглянулись, помахав руками.

К ночи стало подмораживать. В лесу зазвучал волчий вой.

Збуда лихорадило, он бормотал что-то бессвязное. Вокруг ни души, ни огонька, один лес.

Карина еще издали заметила это дерево — мощный кряжистый дуб, словно сросшийся из нескольких стволов. Решила: если забраться повыше, где расходятся мощные стволы, можно устроиться и с раненым, переждать ночь.

Самой взобраться было несложно. Сложнее затащить дядьку. От боли Збуд потерял сознание. А очнулся — для него все едино мрак кругом. Но он слышал рядом тяжелое, усталое дыхание Карины.

— Послушай меня, девочка, — разлепил губы дядька. — Говорить это тебе не должен был, обещался ведь... ну да все равно теперь. Тебе в Киев идти надо да разыскать там певца Бояна. Ты ведь знаешь его, помнишь? Вот и ищи. Батюшка он твой. Породил тебя, селище с него никогда ничего за тебя не спрашивало. Но теперь ты одна, ты баба, беззащитная, да еще и беременная. Пусть же поможет...

— Тихо, тихо лежи, — шептала Карина, глядя его по слипшимся от крови волосам. Но он старался говорить, сквозь горячую дрожь, сквозь напалзающую слабость.

— Боян — отец он твой. Иди к нему. Слышишь ли?

Она молчала. Отец... Помнилось — Боян в селище появлялся изредка. Красивый, с темной холеной бородой, в корзно¹ расшитом, в добротных сапогах, гусли за плечами. И все говорили: Боян — великий певец-сказитель, под покровительством самого бога Велеса, ему дар особый дан, и в пути его, безоружного, ни одна злая сила не тронет, ветры оберегут, лихие люди обойдут. Вот и идет он по земле — красивый, пригожий, ласковый. Без меча, с одними гуслиями. А потом возвращается в великий полянский город Киев, что на горах над Днепром высится. И сам князь Аскольд принимает его в своих палатах, одаривает богато.

¹ Корзно — богатый плащ, застегивающийся на плече.

Збуд то ли впал в беспамятство, то ли уснул. Холодно было, а он горел. Карина приникла к нему, стараясь не думать о волчьем вое в лесу, о пробирающем до костей холоде. Боян... Когда заходил он в Мокошину Пядь, она совсем еще девчонкой была. Что ж таился-то? Ведь навещал, приходил, нянчил, баловал. Песни пел — так, что люди отовсюду сходились послушать. А Карина гордилась тем, что Боян ее возле себя сажает. Но то, что он ее родитель...

— Я в Киев тебя не доволоку, Збуд, — устало промолвила Карина. — В Елань пойдём, к Родиму. Ведь он женой как-никак меня перед всеми объявлял.

Ночь тянулась бесконечно. Карина дрожала от страха, холода, усталости. А порой словно все безразличным ей делалось — проваливалась в дремотную усталость. Стоны старосты приводили ее в себя. Он начинал метаться, и она держала его, просила потерпеть еще. Вот скоро притащит его к людям, перевяжет, обработает раны целебными отварами да мазями...

— Мы доберемся, Збуд. Я ведь упрямая — ты сам говорил. Вот и дотащу тебя. Не к самой Елани, так к людям. Они помогут.

Збуд вроде в беспамятстве был, но вдруг ответил, слабо, словно ветер прошелестел:

— Не пустят нас. Верхогрызки побоятся.

Дядька оказался прав. В первом же селище, куда утром приволокла раненого Карина, на них едва не спустили псов. Мужики повыходили страшные, с дубинами. И Карина вновь плелась прочь по глубокому снегу, тащила волокуши с бредившим Збудом. Да, в неладное время они оказались без очага, без приюта. Она поняла это, когда то и дело стала замечать на тропе замерзшие трупы — то ли лихих лесных людей, то ли калик переходящих. Больше всего их было у перекрестков, где по обычаю радимичей на шестах возвышались домовины — маленькие деревянные домики, в которых хранили прах предков. Казалось, бродяги тянулись к этим захоронениям перекрестным, перед смертью молили ушедших родичей взять к себе поскорее, увести в светлый Ирий¹, чтобы не мучиться в неласковом подлунном мире.

¹ Ирий — славянский рай, где царит вечная весна.

Теперь Карина старалась идти по большаку¹, который тянулся через леса радимичей к реке Десне, где велись торги и где местные князья построили свой град Елань. Селища вдоль большака стояли притихшие, будто нежилые. Под вечер, устав, ослабев, уже плохо соображая, Карина все же попыталась постучаться в одну из изб. И надо же — отворили. Перед Кариной стояла старуха в темном платье, даже улыбалась, приглашая войти.

— Что смотришь, девица? Входи.

Карина хотела сказать, что оставила у плетня раненого, одна-кокая-то странность в улыбке старухи остановила ее. Молча вошла в дом, огляделась. Темно тут, холодно, давно не топили. Только чуть тлеет огонек лучины, и в его свете увидела Карина, что старуха возится подле кого-то у полатей.

— Ну же, что стала, подойди. Видишь, сынок мой лежит. А рядом с ним кто, видишь? Она самая, Верхогрызка. А ты ложись рядом. Может, и тебя Верхогрызка обласкает, а сыночка моего и оставит.

И захихикала радостно, безумно. Но тут же на крик перешла, увидев, что гостья к выходу попятилась.

— Куда?!

И кинулась, наскочила, стала тянуть. Худая, как кошка бездомная, а силы где и взялись. Карина еле смогла отпихнуть старуху, бросилась прочь. Шла, зажимая уши, чтобы не слышать стонов обезумевшей, дикого хохота с подвыванием.

Но испуг словно придал ей сил. Вновь впряглась в лямку, вновь поволокла раненого. Повторяла негромко:

— Ничего, что-нибудь придумаем.

А тут еще опять леденяще и люто завывли волки. Карина, сцепив зубы, тащила волокуши. Думалось о плохом: знала, как волки настигают, как нападают — один под ноги кидается, валит, второй сразу на горло прыгает.

Когда уже стала различать позади в сумерках силуэты волков, неожиданно углядела впереди темный сруб полуземлянки. Кинулась к ней, толкнула скрипучую дверь и сразу ощутила затхлый

¹ Большак — дорога достаточно широкая, чтобы по ней могла проехать телега.

запах необитаемого жилища. Похоже, на зимовье чье-то набрела. И как раз вовремя.

Карина опустила засов на двери. В потемках стала шарить среди паутины за печкой-каменкой. Так и есть — мир не без добрых людей. Уходя, зимовщик оставляет в избе трут и кресало, сухие дрова, подтопку.

Развела огонь. Обычно не болтливая, сейчас, от напряжения, Карина тараторила без остановки. Дескать, сейчас тебя согрею, осмотрю, а там, — помогите боги, — на поправку пойдешь. Я тебя выхожу, вылечу, у самой Морены¹ отниму.

При свете огня в каменке она склонилась над дядькой. Повязки на глазах его обледенели, а на порубленной руке нет — значит, сочилась кровь по-прежнему. Но самое худшее выяснилось, когда, размочив, стала снимать повязки с груди Збуда. От краев раны так и пахло гнилью, Карина даже закашлялась. Что ж... Она покосилась на дверь. Волки выли, но вроде не близко. А сугробы под самый дом намело.

Карина набрала в котелок снега, растопила на огне, потом обработала раны Збуда. Грустно было до отчаяния. Не помогло, и когда обнаружила на лавке краюху заплесневелого хлеба, кус засохшего сыра. Просто грызла их, запивая горячей водой. Кое-как размочив хлеб, попробовала покормить старосту. Он только отхлебнул немного, поесть не получилось. Но сейчас ей и это было безразлично. Легла на свалявшуюся солому на полатах, думала, сейчас же уснет. Но не спалось. Опять нахлынули воспоминания...

Когда Боригора травили, словно зверя, он сказал Карине, что если их поймают, то ее от участи быть заживо похороненной вместе с ним спасет, если беременной окажется. Карина не сразу поняла, что у старого князя на уме. А вечером он привел к ней в лесную избушку одного из троих оставшихся с ними кметей. Медведко его звали — огромный такой детина, бурая борода лопатой.

— Покроешь сегодня княгиню, — велел ему Боригор. — А ты, Каринка, не упрямясь. То моя воля.

Она и не упрямялась. Только вдруг озлилась очень, отвернулась, чтобы Боригор не видел ее глаз. И покорно терпела Медведко, когда тот, сопя и потея, трудился над ней. Звука не издала,

¹ Морена — злой дух, смерть.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Пролог	7
<i>Часть I</i>	
Наворопник	25
<i>Часть II</i>	
Горяне	181
<i>Часть III</i>	
Воля богов	335
Эпилог	503

Літературно-художнє видання

ВИЛАР Сімона
Чужинець
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Н. О. Мищенко*
Редактор *Є. А. Дворецька*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *К. В. Озерова*

Підписано до друку 21.12.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 26,88. Наклад 6500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ВИЛАР Симона
Чужак

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Н. А. Мищенко*
Редактор *Е. А. Дворецкая*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Е. В. Озерова*

Подписано в печать 21.12.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 26,88. Тираж 6500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов**Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Давняя Русь, IX століття. Впевнено й жорстоко правлять варязькі князі Аскольд і Дир, але наближається епоха нових правителів. І ось уже сіє смуту серед племен на Дніпрі загадковий Торір, таємно засланий до стольного граду за велінням новгородського князя Олега, прозваного Віщим. Помічники Торіра — волхви Перуна — поливають брудом славні імена тутешніх владик, славлячи мудрість і велич князів новгородських. Суворий Торір не зупиниться ні перед чим, щоб виконати волю Олега й посадити на київський престол нового володаря. Несподівано шлях варягу заступає прекрасна й горда слов'янка Карина, яку він за іронією долі врятував від смерті... Підступи ворогів і зрадництво друзів, небезпеки і битви, боротьба за владу, лід і полум'я — хоробра слов'янська дівка і холодний скандинавський воїн зійдуться в протистоянні і падуть, перекожені любов'ю...

Вилар С.

В44 Чужак : роман / Симона Вилар. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 512 с.

ISBN 978-617-12-4336-1

Древняя Русь, IX век. Уверенно и жестоко правят варяжские князья Аскольд и Дир, но близится эпоха новых правителей. И вот уже сеет смуту среди племен на Днепре загадочный Торир, тайно посланный в стольный град по велению новгородского князя Олега, прозванного Вещим. Помощники Торира — волхвы Перуна — порочат славные имена местных властителей, восхваляя мудрость и величество князей новгородских. Суровый Торир не остановится ни перед чем, дабы выполнить волю Олега и посадить на киевский престол нового владыку. Неожиданно на пути варяга становится прекрасная и гордая славянка Карина, которую он по иронии судьбы спас от смерти... Козни врагов и предательство друзей, опасности и сражения, борьба за власть, лед и пламя — храбрая славянская дева и холодный скандинавский муж сойдутся в противостоянии и падут, сраженные любовью...

УДК 821.161.2